

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.5>

UDC 902.01

LBC 63.442.7(235.7)

Submitted: 01.05.2025

Accepted: 01.10.2025

TWO-PIECE BOW-SHAPED BROOCHES WITH RETURNED FOOT FROM BARBARIAN CEMETERIES OF THE CRIMEA

Alexander A. Trufanov

Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russian Federation

Abstract. In the first half of the 3rd century AD, bow-shaped brooches with a returned foot of a specific design were common in the southwestern region of the Crimean Peninsula. They differ from the more widespread one-piece brooches and the two-piece brooches that replaced them. A total of 59 such brooches have been recorded, 51 of which come from barbarian burials of this period. These brooches are made of two pieces of wire, and for this reason, they are called two-piece brooches. They consist of a bow-shaped body and a separately made spring with a lower chord and pin that are attached to the head of the bow; an axle is inserted into the spring. Several hypotheses have been put forward regarding the reasons for the appearance of items of such a design. According to one of these hypotheses, they are a special type of bow-shaped brooch, while another suggests that they are ordinary one-piece brooches that acquired their unusual construction feature as a result of breakage and subsequent repair. A summary of the accumulated data allows us to return to the discussion of this issue and assess the validity of the hypotheses put forward. Both versions are considered in the context of new finds that could serve to support or refute them. According to the author, the Crimean two-piece brooches of the first half of the 3rd century AD, which have features of both one-piece and two-piece brooches, having appeared as a way to repair broken items, could have been a link in the evolution of bow-shaped brooches with a returned foot that led to the appearance in the region of two-piece fibulae around the middle of the 3rd century AD.

Key words: Crimea, barbarian cemeteries, burials, bow-shaped brooches, typology, chronology.

Citation. Trufanov A.A., 2026. Dvusostavnye luchkovye podvyeznye fibuly iz mogil'nikov varvarskogo naseleniya Kryma [Two-Piece Bow-Shaped Brooches with Returned Foot from Barbarian Cemeteries of the Crimea]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 2, pp. 115-138. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.5>

УДК 902.01

ББК 63.442.7(235.7)

Дата поступления статьи: 01.05.2025

Дата принятия статьи: 01.10.2025

ДВУСОСТАВНЫЕ ЛУЧКОВЫЕ ПОДВЯЗНЫЕ ФИБУЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ВАРВАРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КРЫМА

Александр Анатольевич Труфанов

Институт археологии Крыма РАН, г. Симферополь, Российская Федерация

Аннотация. В первой половине III в. н.э. в юго-западной части Крымского полуострова бытовали лучковые подвязные фибулы специфической конструкции, отличающиеся от более распространенных одночленных застёжек и пришедших им на смену двучленных изделий. Учтено 59 таких фибул, из которых 51 экземпляр происходит из варварских захоронений этого времени. Эти фибулы состоят из двух отрезков проволоки и по этой причине именуются двусоставными: из одного куска у них сформирован корпус, из другого – игла, переходящая в пружину с нижней тетивой, примотанная к спинке, а в пружину вставлена ось. Высказано несколько предположений относительно причин появления изделий такой конструкции. Одно из них заключается в том, что двусоставные фибулы представляют собой застёжки особой разновидности, другое предлагает видеть в них обычные, изначально одночленные застёжки различных вариантов и типов, которые приобрели свою необычную конструктивную особенность вследствие поломки и последующего ремонта. Обобщение накопленных данных позволяет вернуться к обсуждению этого вопроса

и оценить правомерность высказанных гипотез. Обе версии рассматриваются в контексте новых находок, которые могли бы послужить подкреплению или опровержению указанных версий. По мнению автора, крымские двусоставные фибулы первой половины III в. н.э., обладающие признаками как одночленных, так и двучленных застежек, появившись как способ ремонта сломавшихся изделий, могли стать звеном в эволюции лучковых застежек, приведшей к появлению в регионе около середины III в. н.э. двучленных изделий.

Ключевые слова: Крым, варварские могильники, погребения, лучковые фибулы, типология, хронология.

Цитирование. Труфанов А. А., 2026. Двусоставные лучковые подвязные фибулы из могильников варварского населения Крыма // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 2. С. 115–138. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.2.5>

Введение

В качестве тезиса для обсуждения выдвигается предположение о том, что изменение конструкции одночленных лучковых фибул, приведшее около середины III в. н.э. к появлению и распространению двучленных застежек, в Крыму прошло кратковременную стадию производства двусоставных изделий, сочетающих признаки, присущие тем и другим.

Предваряя изложение сути вопроса, отмечу известную условность наименований, принятых для обозначения лучковых фибул различной конструкции.

Одночленными называют те из них, что полностью или хотя бы в основной части выполнены из цельного куска проволоки. Порой эта конструкция дополнялась еще одной деталью – коротким стержнем (иначе: осью, штифтом), вставляемым в пружину для сохранения ее формы, и такая застежка фактически состоит из двух частей, но ее тем не менее тоже именуют одночленной. Игла одночленных фибул является продолжением спинки с промежуточным пружинным участком и не может сильно отгибаться назад без деформации, что при многократном повторении чревато поломкой.

Все лучковые фибулы, называемые двучленными, в действительности состоят из трех частей, каждая из которых выполнена из отдельного отрезка проволоки. Это корпус, игла с пружинной и нижней тетивой, а также вставляемый в пружину короткий стержень (ось, штифт), скрепляющий первые две части шарнирным соединением. Игла при такой конструкции может без ущерба отгибаться назад, пружина задействуется только при сжатии

застежки для закрепления иглы в приемнике, и нагрузка на нее минимальная.

К истории вопроса

В монографии, содержащей типологию фибул юга европейской части СССР, А.К. Амброз указал, что у лучковых застежек с нижней тетивой, объединенных в вариант I «инкерманской» серии II (вторая половина II – III в. н.э.), «часто пружина и игла сделаны из другого куска проволоки, обмотанного вокруг шейки». Автор отметил, что «в лесной полосе... так чинили сломанные одночленные фибулы», но «здесь это не починка», а способ исправления ошибки в расчетах, если длины проволоки оказывалось недостаточно [Амброз, 1966, с. 52].

В 1998 г. И.Н. Храпунов и В.В. Масыкин опубликовали материалы исследования могилы 67 из некрополя Дружное в Крыму с погребениями, датируемыми в рамках III в. н.э., и двумя лучковыми фибулами (рис. 2, 8, 3, 1), у которых «корпус и игла с пружинной изготовлены из двух частей», а в пружину вставлена ось. В противовес объяснению, данному А.К. Амброзом, ими было выдвинуто предположение о том, что такая конструкция не случайна, а является «специфическим способом изготовления двучленных фибул», характерным для «крымской группы памятников» [Храпунов, Масыкин, 1998, с. 140, 146, рис. 4, 6, 19].

Находки из комплекса могилы 67 датируются в рамках первой половины III в. н.э., но авторы предприняли попытку сузить эту дату, и подспорьем в этом им послужили фибулы, но не их особая конструкция, а форма и декор. Узкая дата комплекса (вторая четверть III в.) выводилась из сочетания следующих замечаний: 1) пластинчатые фибулы с

нижней тетивой и проволоочной «змейкой» «были в употреблении в период, близкий ко времени разрушения позднескифских поселений»; 2) проволоочные фибулы с нижней тетивой и многовитковой обмоткой «не известны в некрополях Неаполя и Усть-Альминского городища», гибель которых, возможно, относится «к концу первой четверти III в. н.э.», следовательно, такие фибулы появились позже и «употреблялись во второй четверти – середине III в. н.э.» [Храпунов, Масыкин, 1998, с. 142, 143, рис. 4,6]¹. То же самое, за исключением пассажа о дате гибели городищ, было повторено в итоговой монографии о раскопках могильника Дружное [Храпунов, 2002, с. 52–54, рис. 168,6,19].

Обращало на себя внимание отсутствие подобных фибул среди опубликованных находок из Неаполя Скифского² и расположенного в его округе Битакского могильника, при том, что в Усть-Альминском некрополе несколько образцов было выявлено. Сопоставив эти данные с небесспорным, но никем аргументированно не опровергнутым предположением о том, что Неаполь и поселения его округи могли прекратить существование в конце первой четверти III в. н.э., а также придерживаясь мнения о прекращении функционирования Усть-Альминского некрополя около середины III в. н.э., я допустил, что разница между этими датами и отражает период бытования фибул двусоставной конструкции. В таком случае они могли бы считаться хронологическими индикаторами комплексов второй четверти – середины III в. н.э. Чтобы их название отличалось от классических двучленных застёжек и не привносило путаницы, я предложил именовать их двусоставными.

Это фибулы с нижней тетивой, состоящие из двух отрезков проволоки, соединенных путем обмотки спинки, со вставленной в пружину осью (то есть, как и двучленные, они фактически состоят из трех частей). Применялись разные варианты обмотки: в один оборот в сторону пружины (рис. 3,1) и в несколько оборотов в направлении от пружины (более распространенный) (рис. 2,3–7, 3,2–6,8). Такие фибулы, отличающиеся от двучленных жестким способом крепления игольно-пружинного элемента, найдены в погребениях многих крымских могильников (рис. 1), что дает повод гово-

рить о них как о региональном феномене. Учитывая их позднюю хронологическую позицию и особенности конструкции, я допустил, что такие застёжки можно рассматривать как «промежуточное звено» в эволюции лучковых фибул предгорного Крыма при переходе от одночленных к двучленным изделиям, распространившимся во второй половине III в. [Труфанов, 2009, с. 213, рис. 57,5–7].

Другое мнение изложил В.В. Кропотов, посчитавший целесообразным вернуться к отвергнутой ранее А.К. Амброзом идее о том, что специфическая конструкция этих изделий является результатом ремонта. Он высказал предположение о том, что эти застёжки «представляют собой отремонтированные изделия I и II серий» (различие между которыми состоит в наличии верхней или нижней тетивы). В качестве аргумента была приведена найденная в могильнике Нейзац и выполненная из двух отрезков проволоки застёжка другого типа (с пластинчатой спинкой и кнопкой на конце сплошного приемника), которая, предположительно, была произведена не в Крыму, а в Танаисе и была импортирована, а значит, ее конструкция «является не чем иным, как следствием... местного ремонта» [Кропотов, 2001, с. 179–181, рис. 6,10]. В опубликованной позже монографии исследователь высказал мнение о том, что к починке фибул прибегали вследствие недостаточного насыщения рынка новыми изделиями и дополнил «версию ремонта» новыми аргументами. Важнейшие из них таковы: 1) «сходные фибулы» встречаются не только в Крыму, но в небольшом количестве и «за пределами полуострова – в Прикубанье, Подонье, Поволжье и Приуралье»; 2) специфический способ фиксации иглы с пружиной, отмеченный у лучковых фибул первой половины III в. н.э., изредка встречается и у застёжек других типов, в том числе гораздо более ранних (II–I вв. до н.э.) [Кропотов, 2010, с. 134, 135]. Ту же мысль исследователь повторил в одной из последующих статей [Кропотов, 2013, с. 211, 212], этой же точки зрения, в чем я мог убедиться при личной беседе, он придерживается и поныне.

Относительно недавно по поводу двусоставной конструкции высказался И.О. Гавриутхин: принимая во внимание разнообразие застёжек в погребениях горизонта второй по-

ловины II – первой половины III в. н.э. могильника Фронтное 3, он указал, что связывать этот прием с «ограниченностью поступлений и/или дороговизной новых фибул» в этот период «нет оснований». Однако изначальную преднамеренность такой конструкции он тоже считал маловероятной ввиду неаккуратности ее исполнения и пока не считает данную дискуссию оконченной [Гавритухин, 2022, с. 33].

Характеристика источников и новые материалы

Если говорить об ареале находок, то, как явствует из замечания В.В. Кропотова [2010, с. 134] и известных мне опубликованных данных, фибул с иглой и пружиной, присоединенными к спинке путем ее обмотки, на всем пространстве от Подунавья до Приуралья выявлено немного.

Что же касается Крыма, то здесь ситуация такова: в комплексах раннего времени (I–II вв. н.э.) такие фибулы крайне редки, зато в захоронениях первой половины III в. н.э. представлены внушительной серией находок, количество которых растет с каждым годом по мере исследования новых объектов. Учтено только 3 образца (кат. № 3, 10, 15), происходящие из погребений I–II вв. н.э. И это при огромном массиве накопленных и опубликованных материалов этого времени. Напротив, находок, происходящих из крымских комплексов первой половины III в. н.э. или более широкого хронологического диапазона, включающего указанный отрезок времени (а он в 4 раза короче, чем предыдущий), без особых затруднений можно насчитать более полусотни (56 или 57 экземпляров³). Из них 52 экземпляра (кат. № 1, 2, 4–9, 11–14, 16–54) происходят из погребений, выявленных на территории многих варварских могильников предгорного Крыма (рис. 1, 2, 1–12, 3, 1–11, 4, 1).

Наверное, представительство фибул рассматриваемой конструкции отчасти зависит от степени изученности памятника, и их тем больше, чем больше там исследовано захоронений первой половины III в. н.э. Однако обращает на себя внимание и то, что в центральной предгорной зоне их немного (в том числе в некрополе Нейзац, отличающемся высокой степенью изученности), а в могиль-

нике Фронтное 3, расположенном в юго-западной части Крыма, найдено наибольшее их количество.

Список находок из погребений дополняют 5 застежек (кат. № 55–59) из раскопок памятников поселенческого типа (Херсонес, Харакс), обладающие формальными признаками поздних изделий.

Сопоставление застежек из погребений финального периода функционирования Усть-Альминского некрополя, приходящегося на первую половину III в. н.э., с морфологически и конструктивно близкими изделиями из других варварских могильников Крыма позволяет проследить поэтапные изменения в конструкции лучковых изделий. Предлагаю рассмотреть это на четырех примерах.

1. В могиле 793 Усть-Альминского некрополя найдена крупная бронзовая фибула с четырехгранной спинкой и сформированной из отдельного куска проволоки, примотанной к спинке игольно-пружинной частью, с коротким железным стержнем в пружине (рис. 4, 1). Ее игла не способна свободно отгибаться назад, поскольку являются частью отрезка проволоки, прикрученного к спинке, то есть жестко с ней соединенного. По сочетанию всех элементов конструкции эта фибула полностью соответствует изделиям, которые здесь именуются двусоставными, и есть основания предполагать, что она изначально задумывалась таковой [Труфанов, 2009, с. 213, рис. 57, 8]. Тем не менее В.В. Кропотков, тоже обративший внимание на эту находку, отнес ее к категории двучленных застежек (серия III), сопроводив примечанием, суть которого сводится к тому, что изначально это была двучленная фибула, но местные жители, «привыкшие к одночленным украшениям с неподвижной иглой», «адаптировали» ее «к своим нуждам», изготовив другую иглу с пружиной и жестко примотав к спинке [Кропотков, 2010, с. 151, примеч. 1, рис. 45, 5]. Иными словами, это двучленная фибула, которую переделали, потому что посчитали ее конструкцию непривычной. Мне это предположение кажется маловероятным. Вряд ли крымские варвары так упорно противились ношению двучленных лучковых фибул в середине III в. н.э., чтобы вскоре вслед за этим (во второй половине III в.) перейти именно к ним (рис. 4, 3). Да и сам принцип подвижного соедине-

ния иглы здесь вовсе не являлся новшеством, так как наряду с пружинными застежками в варварской среде уже давно бытовали хоть и не столь многочисленные, но разнообразные шарнирные застежки.

Без учета фибулы комплекс находок из могилы 793 может датироваться в рамках первой половины III в. н.э. Фибула же, имея двусоставную конструкцию, формой напоминает двучленные изделия, на основании чего можно предположить, что хронологически она им близка, и датой захоронения следует считать время, близкое к середине III в. н.э.

Очень похожая на нее по форме бронзовая фибула из могилы 995/2 Усть-Альминского некрополя (рис. 4,2) по конструкции является уже полноценной двучленной застежкой, сопоставимой с образцами из комплексов середины – второй половины III в. н.э. (рис. 4,3). Ее игла, как и положено таким изделиям, соединена с корпусом посредством шарнира и может отгибаться свободно, что, очевидно, не вызывало никаких возражений у ее обладателя, и ее никто не стал переделывать, якобы адаптируя к местным вкусам.

Обе фибулы демонстрируют разницу в конструкции при сохранении формы, что выглядит иллюстрацией поэтапного перехода от одночленных к двучленным изделиям.

2. Такие же перемены в конструкции прослеживаются и в ряду лучковых фибул со сплошной обмоткой спинки, которая практиковалась еще в I–II вв. н.э. В конце II – начале III в. н.э. в Юго-Западном Крыму распространились украшенные аналогичным образом крупные фибулы с нижней тетивой (обычно с осью в пружине). Они попадали и в погребения Усть-Альминского некрополя, свидетельством чему является одночленная застежка из склепа 649/2 (рис. 5,1), найденная вместе с монетой Септимия Севера (209 г.) [Пуздровский и др., 2021, с. 37, рис. 73,5].

Следующий этап изменений в конструкции показывает находка из усть-альминской могилы 1257 первой половины III в. н.э. Это двусоставная фибула со сплошной обмоткой и осью в пружине (рис. 5,2), отличающаяся от заколки из склепа 649 только означенной конструктивной особенностью: ее игольно-пружинная часть изготовлена из отдельного отрезка проволоки, примотанного к спинке.

Ту же эволюционную линию фибул с обмоткой иллюстрируют находки из могильника Фронтное 3, демонстрируя последующий этап метаморфоз. Экземпляр из могилы 76 (конец II – первая половина III в. н.э.), оставаясь двусоставным, представляет собой застежку большого размера (рис. 5,3) [Свиридов, Языков, 2023, с. 101, 102, рис. 248,1], что выглядит как образец «гигантизации». В другом погребении (могила 27) с монетой Галлиена (253–268 гг.), датированном серединой – второй половиной III в. н.э., имелись две фибулы со сплошной обмоткой: двусоставная (рис. 3,10) и двучленная (рис. 5,4) со всеми присущими данной конструкции элементами [Свиридов, Языков, 2023, с. 51, 52, рис. 100,1,2].

3. В первой половине III в. н.э. в предгорном Крыму получили распространение одночленные фибулы с пластинчатой спинкой, украшенной проволоочной «змейкой» (рис. 6,1). В пределах этого же хронологического отрезка здесь появились фибулы, которые, обладая теми же формальными характеристиками, являлись двусоставными по конструкции (рис. 6,2). Двучленные образцы, украшенные «змейкой», пока не выявлены, зато из близких им застежек без декора выстраивается вполне очевидная эволюционная линия (рис. 6,3–6). Одночленная конструкция может быть проиллюстрирована застежкой из Фронтного 3 (рис. 6,3) [Гавритухин, 2022, рис. 2,11], двусоставная – фибулой из Опушек (рис. 6,4) [Храпунов, 2024, рис. 3,3].

В могиле 1045 Усть-Альминского некрополя с погребением первой половины III в. н.э. найдена фибула с уплощенной бронзовой спинкой и железной иглой, пружина которой оказалась утраченной (рис. 6,5). Поскольку части этой фибулы выполнены из разных металлов, ясно, что она не была одночленной, но способ крепления иглы не до конца понятен. Вряд ли она была двучленной, так как детали настоящих двучленных фибул обычно изготавливались из одного материала⁴. Остается предположить, что она являлась двусоставной и в ее конструкции игла с пружиной соединялись со спинкой путем ее обмотки. Однако обращает на себя внимание то, что завиток в верхней части ее уплощенной спинки тоже уплощен, а не круглопроволочный, как было бы в том случае, если бы составной эта фибула

стала вследствие починки сломанного одночленного изделия и завиток являлся частью удаленной пружины. То есть рассматриваемая застежка сразу создавалась как двусоставная, а не была преобразована в таковую позже при вынужденном ремонте. Очень близкая ей по форме фибула из погребения середины – конца III в. н.э. могильника Фронтное 3 представляет собой уже изделие двучленной конструкции (рис. 6,6) [Свиридов, Языков, 2023, с. 23, рис. 28,1]. На мой взгляд, перечисленные находки иллюстрируют то, что переход к производству двучленных лучковых фибул мог проходить поэтапно.

4. Серебряные фибулы с широкой пластинчатой спинкой из могилы 929 Усть-Альминского некрополя (рис. 7,1) [Пуздровский, Труфанов, 2017а, с. 64, 76, рис. 141,6, 170,2] и погребения с монетами Геты (211–212 гг.) и Юлии Домны (211–217 гг.) из могильника Танковое (рис. 7,2) [Вдовиченко, Колтухов, 1994, с. 85, рис. 3,7; Кропотов, 2010, рис. 43,7] являются одночленными. Выполненная, как и они, из серебра фибула из усть-альминской могилы 914 (рис. 7,3) представляет собой очень близкую им по форме, но двучленную застежку⁵. Перечисленные находки представляются еще одним примером изменения конструкции лучковых фибул при сохранении их формальных характеристик. Двусоставных изделий в этом эволюционном ряду нет – может быть, их не было вообще или они пока не обнаружены, но важно, что при почти полном морфологическом сходстве означенных фибул они тоже представляют собой изделия разных конструкций: ранней одночленной и поздней двучленной.

Дискуссия

Гипотеза, состоящая в том, что мастер, неточно рассчитав длину проволоки, наращивал ее дополнительным отрезком [Амброз, 1966, с. 52], кажется неубедительной. На то он и мастер, чтобы не допускать ошибок, а тем более – не повторять их снова и снова, притом что во избежание их не нужны особые расчеты, достаточно иметь под рукой образец нужной длины, с которым можно соизмерять нарезаемую проволоку.

Два других мнения, одно из которых предлагает видеть в рассматриваемых фибулах

изделия особой конструкции, а другое – считать их следствием ремонта, сопровождаются аргументами, основанными на фактическом материале. Однако между ними нет непреодолимого противоречия и фактам, к которым они апеллируют, можно попытаться найти объяснение в рамках единой концепции.

Нет никакого сомнения в том, что порой при использовании фибулы ломались, и так происходило во все времена, ибо ломается все, что может сломаться. Вероятно, в некоторых случаях предпринимались более или менее удачные попытки починить испортившуюся застежку, но это происходило редко. Для починки фибулы помимо затрачиваемого времени нужны материал (проволока), инструменты и соответствующие навыки. Все это имеется у мастера-ремесленника, но этим вряд ли в должной мере обладал обычный рядовой житель, у которого внезапно ломалась фибула и появлялось желание тут же это исправить. В среде варварского населения Крыма со сломанными фибулами обычно поступали иначе – сгибали обломки и использовали в качестве примитивных подвесок. В крымских погребениях I–II вв. н.э. таких находок немало. Возможно, иногда их использовали в качестве лома для последующей переплавки в другие изделия или отдавали как металлолом ремесленнику, получая взамен с доплатой новую застежку, но об этом можно только догадываться.

По-другому выглядит ситуация первой половины III в. н.э. Как уже отмечалось, в предгорном Крыму в погребениях этого периода найдено более 50 лучковых фибул двусоставной конструкции. До ее появления здесь одновременно бытовали одночленные лучковые изделия как с верхней, так и с нижней тетивой. В этой же области начали производить и модификацию последних – двусоставные застежки, и они стали использоваться наряду с одночленными. Их распространение в означенный период коснулось только Крыма: все учтенные находки происходят из области, простирающейся от Херсонеса на западе до могильника Курское на востоке (рис. 1). Ничего сопоставимого с этим за пределами полуострова не наблюдается.

Слабым местом данной гипотезы является то, что она не объясняет, зачем вообще нужно было начинать изготовление двусостав-

ных фибул, если до этого потребителей вполне устраивали одночленные изделия. Видимых преимуществ в использовании эта конструкция вроде бы не имеет, а об эстетических ее достоинствах мне судить сложно. Если чем и пытаться оправдать ее появление, то только творческими поисками местных мастеров и привлекательностью новых модных тенденций. Может быть, некий ремесленник увидел смысл в том, чтобы попробовать сразу делать фибулы двусоставными, не дожидаясь, когда они сломаются, надеясь так предотвратить поломку, и его примеру последовали другие.

Полагаю, что некоторые фибулы из комплексов первой половины III в. н.э. могли стать двусоставными и в результате ремонта. Это может касаться изделий с признаками неаккуратного присоединения игольно-пружинного отрезка проволоки [Гавритухин, 2022, с. 33] или тех, у которых он выполнен из железа, однако среди учтенных образцов есть и такие, которые явно были задуманы двусоставными изначально. Однако если строго придерживаться «версии ремонта», категорически отрицая любые альтернативы, то придется принять безоговорочно, что все (то есть абсолютно все) двусоставные лучковые фибулы стали такими вследствие случившейся с ними поломки и последовавшего ремонта. Следует также считать, что ремонтную деятельность по их починке вели ремесленники, обслуживавшие только юго-западную часть Крыма, и активной она была только в первой половине III в. н.э., а затем закончилась, ибо распространившиеся двучленные фибулы перестали ломаться или их перестали чинить. В контексте изложенного представляется, что «версию ремонта» не стоит абсолютизировать.

Выводы

1. Двусоставные лучковые фибулы, происходящие из крымских комплексов первой половины III в. н.э., появились как поздняя модификация распространенных в Крыму одночленных фибул с нижней тетивой. В основу их конструкции был положен тот же способ скрепления двух частей, который ранее изредка применялся для починки сломавшихся пружинных застёжек.

2. Определяя позицию двусоставных застёжек в систематике лучковых фибул, следует принять во внимание, что их конструкция сочетает в себе элементы, присущие как одночленным, так и двучленным изделиям. Это уже не одночленные застёжки, поскольку их основная часть (не считая штифта в пружине) выполнена из двух отрезков проволоки, но еще и не подлинные двучленные изделия, так как игла в их конструкции жестко примотана к спинке, а не соединена с ней шарнирно. Они выглядят как образцы, занимающие промежуточное положение между одночленными фибулами I – первой половины III в. н.э. и настоящими двучленными застёжками, характерными для второй половины III в. н.э.

Материалы крымских памятников позволяют представить изменения конструкции лучковых фибул в виде поэтапного процесса, логично завершившегося переходом к производству двучленных застёжек, тогда как в других регионах переход от использования одночленных фибул к двучленным выглядит внезапным, лишенным каких-либо предпосылок. В связи с этим напрашивается мысль о том, что двучленные лучковые фибулы были изобретены именно в Крыму, и все же от этого утверждения я воздержусь в ожидании новых фактов. Ограничусь тем, что крымские двусоставные застёжки представляют собой кратковременный региональный феномен первой половины III в. н.э., отражающий поиск местными ремесленниками новых конструктивных решений, который угас с переходом на производство двучленных изделий.

3. Большая часть крымских погребений с двусоставными фибулами по остальным сопровождающим их вещам может быть датирована в пределах первой половины III в. н.э. В связи с этим в классификации К. Хелльстрём данные застёжки, рассматриваемые как вариант двучленных изделий («Variante III.1a» = группа III («Zweigliedrige Fibeln» = двучленные фибулы), тип 1 (лучковые подвязные), вариант а («Zweiteiligen» = двусоставные), датируются именно первой половиной III в. н.э. [Hellström, 2018, S. 84, 85, Abb. 31, 1, 2].

В недавних работах, написанных В.В. Масякиным в соавторстве с другими исследователями, датировка таких фибул совпадает с датировкой одночленных застёжек ана-

логических форм и обозначена в пределах конца II – первой половины III в. н.э. [Волошинов, Масакин, 2022, с. 153, рис. 8,7] или только первой половины III в. н.э. [Масакин, Турова, 2023, с. 96, рис. 3,27, 4,28,29].

Мнение о том, что такие фибулы являются хронологическими индикаторами захоронений предгорного Крыма 220/230–250/270 гг. [Труфанов, 2009, с. 128, 213, 214], среди прочего основывалось на предположении о гибели Неаполя Скифского и поселений его округа в конце первой четверти III столетия, которая сама нуждается в доказательствах. Вместе с тем, учитывая близость конструкции этих застёжек и двучленных фибул, появившихся около середины III в. н.э., кажется допустимым предположить, что период бытования двусоставных застёжек прямо предшествует периоду распространения двучленных изделий. Так что указанная выше узкая датировка не так уж безосновательна. Во всяком случае, факты, которые напрямую бы ей противоречили, мне неизвестны.

4. Двучленные фибулы появились в самом конце функционирования Усть-Альминского позднескифского некрополя, который был заброшен около середины III в. н.э., но следует признать, что эта дата довольно условна. Самые поздние узко датированные монеты из усть-альминских погребений представлены выпусками Фульвии Плавтиллы (202–205 гг.) (склеп 649/3), Каракаллы (207 гг.) (могила 1018) и Септимия Севера (209 г.) (склеп 649/2) и указывают на время, когда некрополь все еще продолжал функционировать. Есть еще монеты Херсонеса выпуска «около 192–211 гг.» (2 экз.), но из-за продолжительной чеканки ситуацию они не меняют. Реперами для определения верхней границы функционирования некрополя служит и то, что в его материалах: 1) представлены по меньшей мере две двучленные лучковые фибулы ⁶ (рис. 4,2, 7,3), появление конструкции которых относят ко времени, близкому к середине III в. н.э.; 2) отсутствуют ювелирные изделия позднееримского полихромного стиля, присущие варварским захоронениям Крыма второй половины III – первой половины IV в. н.э.

Позднейшие монеты из Усть-Альминского некрополя в какой-то мере синхронизируются с серией кладов, найденных на Неаполе

Скифском и в его округе, в составе которых нет монет, выпущенных достоверно позже 218 г. (монеты Макрина (217–218 гг.) и Элагабала (218–222 гг.)). Предполагается, что их сокрытие связано с военной опасностью, возникшей «в конце первой четверти III в. н.э.», возможно вызванной вторжением неких «позднесарматских племен» [Пуздровский, 1994, с. 402]. Однако находки двучленных фибул в погребениях Усть-Альмы указывают на то, что некрополь продолжал функционировать, когда первые изделия этой конструкции уже появились.

Преобладает мнение о том, что двучленные фибулы стали производиться около середины III в. н.э., их считают одним из хронологических индикаторов второй половины века [Скрипкин, 1977, с. 109; Кропотов, 2001, с. 182; 2010, с. 150–159; Храпунов, 2024, с. 180, 181]. Порой упоминают о двух находках из слоя разрушения Горгиппии, вроде бы указывающих на то, что такую конструкцию стали там применять незадолго до гибели города [Трейстер, 1982, с. 155, рис. 1,9], которую относят к 239–240 гг. (по позднейшим монетам из слоя чеканки Ининфимея 239 г.) [Алексеева, 2022, с. 33].

С учетом всех обстоятельств обычно подразумевается, что в первой половине III в. н.э. Усть-Альминское городище еще существовало, а значит, продолжал использоваться и его некрополь, а во второй половине этого столетия (в период так называемых «скифских войн»⁷) – уже нет, то есть данный памятник разделит судьбу ряда позднескифских пунктов, не преодолевших условную середину III в. н.э. Датируя финальный этап функционирования некрополя в границах первой половины – середины III в. н.э., в эти же рамки следует помещать и появление двусоставных фибул, допуская возможность сужения их позиции на хронологической шкале до второй четверти – середины III в. н.э. с примечанием о нечеткости границ этой «середины». Находка в могильнике Фронтное 3 двусоставной фибулы (рис. 3,10) вместе с одночленной и двучленной (рис. 5,4) застёжками в одном погребении с монетой Галлиена (253–268 гг.) [Свиридов, Язиков, 2023, с. 51, 52, рис. 99,27, 100,1,2] показывает, что двусоставные изделия изредка попадали в захоронения и после 250 г. и что в течение пусть и непродолжительного времени эти разные по конструкции фибулы сосуществовали.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Двусоставные лучковые фибулы из памятников Крыма

Могильники

Бельбек III (2 экз.):

№ 1, могила 6: «бронза»⁸, спинка проволоочная с обмоткой, игла утрачена, 9,2 см [Гущина, 1974, рис. IV,20; Кропотов, 2010, с. 145, № 45]. Дата: первая половина III в.

№ 2, могила 13: «бронза», спинка проволоочная с обмоткой, фрагмент [Гущина, 1974, рис. V,30; Кропотов, 2010, с. 145, № 46]. Дата: первая половина III в.

Бельбек IV (3 экз.):

№ 3, могила 75: «бронза», спинка проволоочная, часть иглы утрачена, 7,3 см [Кропотов, 2010, с. 139, № 14, рис. 42,1]. Дата: первая четверть II в. [Гущина, Журавлев, 2016а, с. 134; 2016б, табл. 46,2].

№ 4 (рис. 3,8), могила 257: «бронза», спинка проволоочная с обмоткой, 6 см. Дата: конец II – первая четверть III в. [Гущина, Журавлев, 2016а, с. 179; 2016б, табл. 177,12] или первая половина III в.

№ 5, могила 261: «бронза», спинка проволоочная с обмоткой, приемник утрачен, 6,5 см [Кропотов, 2010, с. 146, № 58]. Дата: конец II – начало III в. [Гущина, Журавлев, 2016а, с. 180; 2016б, табл. 182,8] или первая половина III в.

Брянское (2 экз.):

№ 6 (рис. 3,2), могила 5: «бронза», спинка пластинчатая с проволоочной «змейкой», фрагментирована, 8,4 см [Труфанов, 2005, рис. 2,5; Кропотов, 2010, с. 147, № 104]. Дата: конец II – первая половина III в.

№ 7 (рис. 2,3), могила 18: «бронза», спинка проволоочная с фигурной обмоткой, 7,5 см [Труфанов, 2005, рис. 2,5,5,6]. Дата: конец II – первая половина III в.

Дружное (2 экз.):

№ 8 (рис. 2,8), могила 67: «бронза», спинка проволоочная с частичной обмоткой, во фрагментах, 6,8 см. Дата: вторая четверть III в. [Храпунов, Масыкин, 1998, рис. 4,6; Храпунов, 2002, с. 70, рис. 168,6; Кропотов, 2010, с. 150, № 172].

№ 9 (рис. 3,1), могила 67: «бронза», спинка пластинчатая с проволоочной «змейкой», 7,2 см. Дата: вторая четверть III в. [Храпунов, Масыкин, 1998, рис. 4,19; Храпунов, 2002, с. 70, рис. 168,19; Кропотов, 2010, с. 150, № 173].

Заветное (1 экз.):

№ 10, могила 185: «бронза», спинка проволоочная, 7,8 см [Кропотов, 2010, с. 142, № 103]. Дата: конец I – начало II в. [Kühnelt, 2008, p. 216].

Краснозорье (1 экз.):

№ 11, могила 32: «бронза», спинка пластинчатая, 5,7 см. Дата: первая половина III в. [Волошинов и др., 2007, с. 308–310, рис. 8,13].

Курское (1 экз.):

№ 12 (рис. 2,6), могила 22: «бронза», спинка проволоочная с частичной обмоткой, 6,2 см. Дата: первая половина III в. [Труфанов, 2004, с. 511, рис. 11,1].

Левадки (3 экз.):

№ 13, могила 30: «бронза», спинка проволоочная, 8 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Кропотов, 2010, с. 148, 149, № 130].

№ 14, склеп 38: железо, спинка проволоочная, фрагментирована. Дата: конец II – первая половина III в. [Кропотов, 2010, с. 149, № 131].

№ 15, могила 120: бронза, игла железная, спинка проволоочная, 4,7 см [Кропотов, 2010, с. 142, № 109; Антипенко, Мульд, 2024, с. 68, рис. 1,2]. По формальным признакам застежка может быть отнесена ко II в.

Могильник Неаполя Скифского (1 экз.):

№ 16, «курган 1949 г.», могила 10: «бронза», спинка пластинчатая, 8,2 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Кропотов, 2010, с. 149, № 145].

Нейзац (2 экз.):

№ 17 (рис. 2,1), могила 25: «бронза», пружина из железа, спинка проволоочная, игла утрачена, 5,9 см. Дата: первая половина III в. [Храпунов, 2025а, с. 283; 2025б, рис. 77,18].

№ 18 (рис. 2,2), могила 59: «бронза», игла с пружиной и штифтом из железа, спинка проволочная с фигурной обмоткой, часть иглы утрачена, 6 см. Дата: первая половина III в. [Храпунов, 2025а, с. 285; 2025б, рис. 138,12].

Опушки (1 экз.):

№ 19 (рис. 3,6, 6,4), склеп 38: «бронза», спинка пластинчатая, 6 см. Дата: первая половина III в. [Храпунов, 2024, с. 176, 177, рис. 3,3].

Перевальное (2 экз.):

№ 20, могила 17: «бронза», спинка проволочная, игла утрачена, 6,6 см [Пуздровский, 2007, рис. 205,13; Кропотов, 2010, с. 150, № 167]. Дата: первая половина III в. (монеты с надчеканкой Савромата II (174–210 гг.)).

№ 21 (рис. 3,11), могила 17: «бронза», спинка проволочная, игла утрачена, 6 см [Пуздровский, 2007, рис. 205,12; Кропотов, 2010, с. 150, № 168]. Дата: первая половина III в.

Скалистое III (3 экз.):

№ 22, могила 50/1964 г.: «бронза», спинка проволочная с обмоткой, фрагмент. Дата: конец II – первая половина III в. [Кропотов, 2010, с. 148, № 116].

№ 23, могила 6/1965 г.: «бронза», спинка пластинчатая, 8,5 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Богданова и др., 1976, рис. 6,38; Кропотов, 2010, с. 148, № 118].

№ 24, могила 39/1967 г.: «бронза», спинка проволочная, 9 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Богданова и др., 1976, рис. 8,99; Кропотов, 2010, с. 148, № 127].

Совхоз 10 (2 экз.)⁹:

№ 25, могила 3: «бронза», спинка проволочная с обмоткой, 6,7 см. Дата: первая половина III в. [Кропотов, 2010, с. 144, № 13; Стржелецкий и др., 2005, табл. 37,31].

№ 26, урна 17: «бронза», спинка проволочная с обмоткой, 8,5 см. Дата: первая половина III в. [Кропотов, 2010, с. 145, № 38; Стржелецкий и др., 2005, табл. 1,80].

Сувлу-Кая (1 экз.):

№ 27 (рис. 3,9), могила 29: «бронза», спинка проволочная с обмоткой, 6 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Волошинов, Масыкин, 2022, с. 153, рис. 8,7].

Суворово (1 экз.):

№ 28 (рис. 3,7), могила 6: «бронза», спинка пластинчатая с проволочной «змейкой», 6,5 см. Дата: около середины III в. [Зайцев, 1997, с. 102, рис. 58,6; Кропотов, 2010, с. 146, № 75].

Усть-Альма (5–6 экз.):

№ 29 (рис. 2,9), могила 300: «бронза», спинка проволочная с обмоткой, 5 см [Любодa, 1992, рис. 146,2278a]. Дата: первая половина III в.

№ 30 (рис. 4,1), могила 793: «бронза», штифт из железа, спинка четырехгранная, 8,7 см. Дата: вторая треть III в. [Пуздровский, Труфанов, 2017б, с. 58, рис. 121,1] или первая половина – середина III в.

№ 31 (рис. 6,5), могила 1045: «бронза», игла железная, спинка пластинчатая, пружина утрачена, 8,3 см. Дата: первая половина – середина III в. [Пуздровский, Труфанов, 2016, с. 72, рис. 142,1].

№ 32 (рис. 2,4), могила 1209¹⁰: «бронза», завязка от иглы из железа, спинка проволочная, игла утрачена, 8,2 см. Дата: первая половина III в.

№ 33 (рис. 2,11, 5,2), могила 1257: бронза, спинка проволочная с обмоткой, 8 см. Дата: первая половина III в.

№ 34 (рис. 3,3), склеп 1285, погребение 4: «бронза», спинка пластинчатая с проволочной «змейкой», фрагментирована, 7,7 см. Дата: конец II – первая половина III в.

Фронтное 3 (18 экз.):

№ 35, могила 5: бронза, спинка проволочная с обмоткой, 7 см. Дата: первая половина – середина III в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 24, рис. 33,4].

№ 36 (рис. 3,4, 6,2), могила 10: бронза, спинка пластинчатая с проволочной «змейкой», 8,5 см. Дата: первая половина III в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 33, рис. 53,3].

№ 37 (рис. 3,10), могила 27: латунь, спинка проволочная с обмоткой, 7 см. Дата: середина – вторая половина III в. (с монетой Галлиена (253–268 гг.)) [Свиридов, Язиков, 2023, с. 51, 52, рис. 100,2].

№ 38 (рис. 2,7), могила 63: латунь, спинка проволочная с частичной обмоткой, 7,6 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 82, рис. 195,3].

№ 39, могила 67: латунь, спинка проволочная с обмоткой, 11,8 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Язиков, 2023, с. 89, рис. 213,11].

№ 40 (рис. 2, 10), могила 70: медь, спинка проволочная с обмоткой, конец иглы утрачен, 6,6 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2023, с. 93, 94, рис. 224, 4].

№ 41 (рис. 5, 3), могила 76: латунь, спинка проволочная с обмоткой, 11,7 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2023, с. 191, 102, рис. 248, 1].

№ 42, могила 77: бронза, спинка проволочная с обмоткой, 9,8 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2023, с. 103, рис. 252, 7].

№ 43, могила 93: латунь, спинка проволочная с обмоткой, 10,2 см. Дата: первая половина – середина III в. [Свиридов, Языков, 2023, с. 119, 120, рис. 299, 12].

№ 44, могила 151: бронза, штифт из железа, спинка проволочная с обмоткой, фрагментирована, 7,8 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 46, 47, рис. 105, 15].

№ 45, могила 163: латунь, штифт из железа, спинка проволочная, фрагментирована, 6 см. Дата: середина – вторая половина II в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 63, рис. 145, 3], но нельзя исключать и первую половину III в.

№ 46 (рис. 2, 12), могила 184: бронза, спинка проволочная с обмоткой, 10,6 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 87, 88, рис. 213, 3].

№ 47, могила 184: бронза, штифт из железа, спинка проволочная с обмоткой, фрагментирована, 7,2 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 86, 88, рис. 213, 4].

№ 48, могила 201: бронза, спинка проволочная с обмоткой, фрагментирована, 7,8 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 103, рис. 259, 4].

№ 49, могила 212: бронза, спинка проволочная с фигурной обмоткой, фрагментирована, 11,5 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 118, 120, рис. 297, 1].

№ 50, могила 212: бронза, спинка проволочная с обмоткой, 8,5 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024а, с. 117, 120, рис. 297, 6].

№ 51, могила 257: бронза, спинка проволочная, фрагменты. Дата: середина II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024б, с. 39, 42, рис. 80, 8].

№ 52, могила 288: бронза, спинка проволочная с обмоткой, фрагментирована, 10,3 см. Дата: конец II – первая половина III в. [Свиридов, Языков, 2024б, с. 71, 72, рис. 170, 5].

Черноречье (2 экз.):

№ 53, склеп 4 (77): «бронза», спинка пластинчатая, украшенная завитками проволоки, пружина и игла сделаны из отдельных кусков проволоки, 9 см [Кропотов, 2010, с. 144, № 10]. Дата: первая половина III в.

№ 54 (рис. 3, 5), могила 36 (86): «бронза», железные игла с пружиной и штифт, пластинчатая спинка с проволочной «змейкой» со спиралями, 10 см [Труфанов, 2009, рис. 57, 5; Кропотов, 2010, с. 144, № 11]. Дата: первая половина III в.

Поселения

Крепость Харакс (4 экз.):

№ 55–58: из раскопок начала XX в. на территории крепости: фрагменты 3 фибул с проволочной спинкой и 1 фибулы с пластинчатой спинкой, «бронза». Дата: по формальным признакам отнесены к первой половине III в. [Масякин, Турова, 2023, с. 96, рис. 3, 27; 4, 28–30].

Херсонес (1 экз.):

№ 59 (рис. 2, 5): из раскопок на территории городища, «бронза», спинка проволочная, 8,2 см [Амброз, 1966, табл. 9, 17; Кропотов, 2010, с. 139, № 2]. Дата: датирующий контекст неизвестен, по формальным характеристикам фибула соответствует изделиям конца II – первой половины III в.

Рис. 1. Карта юго-западной части Крымского полуострова с обозначением пунктов обнаружения двусоставных фибул первой половины – середины III в. н.э.

Fig. 1. Map of the southwestern region of the Crimea showing the find spots of two-piece brooches dating from the first half to the middle of the 3rd century AD

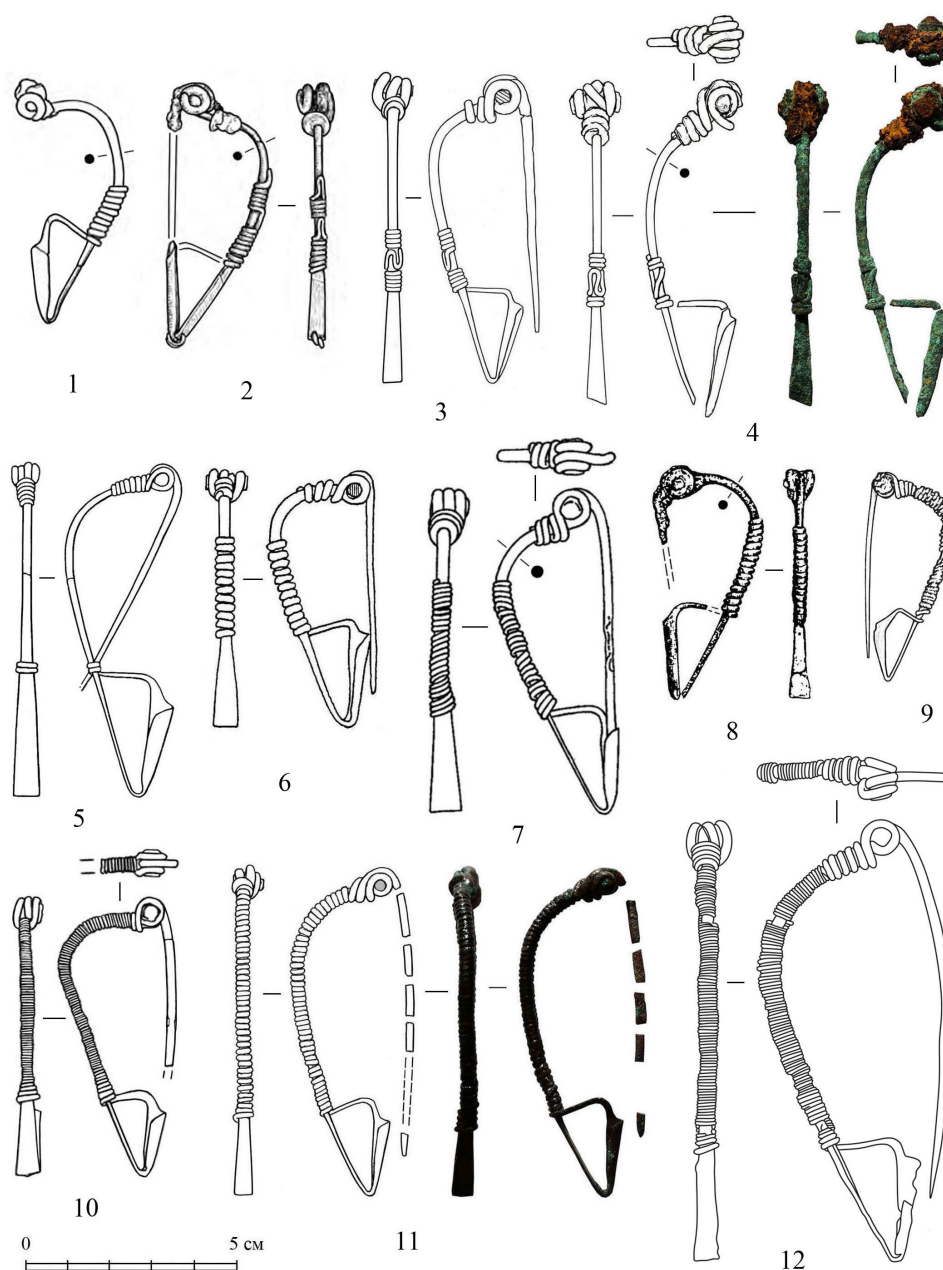

Рис. 2. Двусоставные фибулы:

1 – Нейзац, м. 25; 2 – Нейзац, м. 59; 3 – Брянское, м. 18; 4 – Усть-Альма, м. 1209; 5 – Херсонес; 6 – Курское, м. 22; 7 – Фронтное 3, м. 63; 8 – Дружное, м. 67; 9 – Усть-Альма, м. 300; 10 – Фронтное 3, м. 70; 11 – Усть-Альма, м. 1257; 12 – Фронтное 3, м. 184 (1, 2 – по: [Храпунов, 2025а, рис. 77,18, 138,12]; 3, 4, 6, 11 – рисунки и фото А.А. Труфанова; 5 – по: [Амброз, 1966, табл. 9,17]; 7, 10 – по: [Свиридов, Языков, 2023, рис. 195,3, 224,4, 248,1]; 8 – по: [Храпунов, 2002, рис. 168,6]; 9 – по: [Лобода, 1992, рис. 146,2278а]; 12 – по: [Свиридов, Языков, 2024а, рис. 213,3])

Fig. 2. Two-piece brooches:

1 – Neizats, grave 25; 2 – Neizats, grave 59; 3 – Bryanskoe, grave 18; 4 – Ust'-Al'ma, grave 1209; 5 – Khersonesos; 6 – Kurskoye, grave 22; 7 – Frontovoe 3, grave 63; 8 – Druzhnoe, grave 67; 9 – Ust'-Al'ma, grave 300; 10 – Frontovoe 3, grave 70; 11 – Ust'-Al'ma, grave 1257; 12 – Frontovoe 3, grave 184 (1, 2 – after: [Khrapunov, 2025a, fig. 77,18, 138,12]; 3, 4, 6, 11 – drawings and photos by A.A. Trufanov; 5 – after: [Ambroz, 1966, table 9,17]; 7, 10 – after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 195,3, 224,4, 248,1]; 8 – after: [Khrapunov, 2002, fig. 168,6]; 9 – after: [Loboda, 1992, fig. 146,2278a]; 12 – after: [Sviridov, Yazikov, 2024a, fig. 213,3])

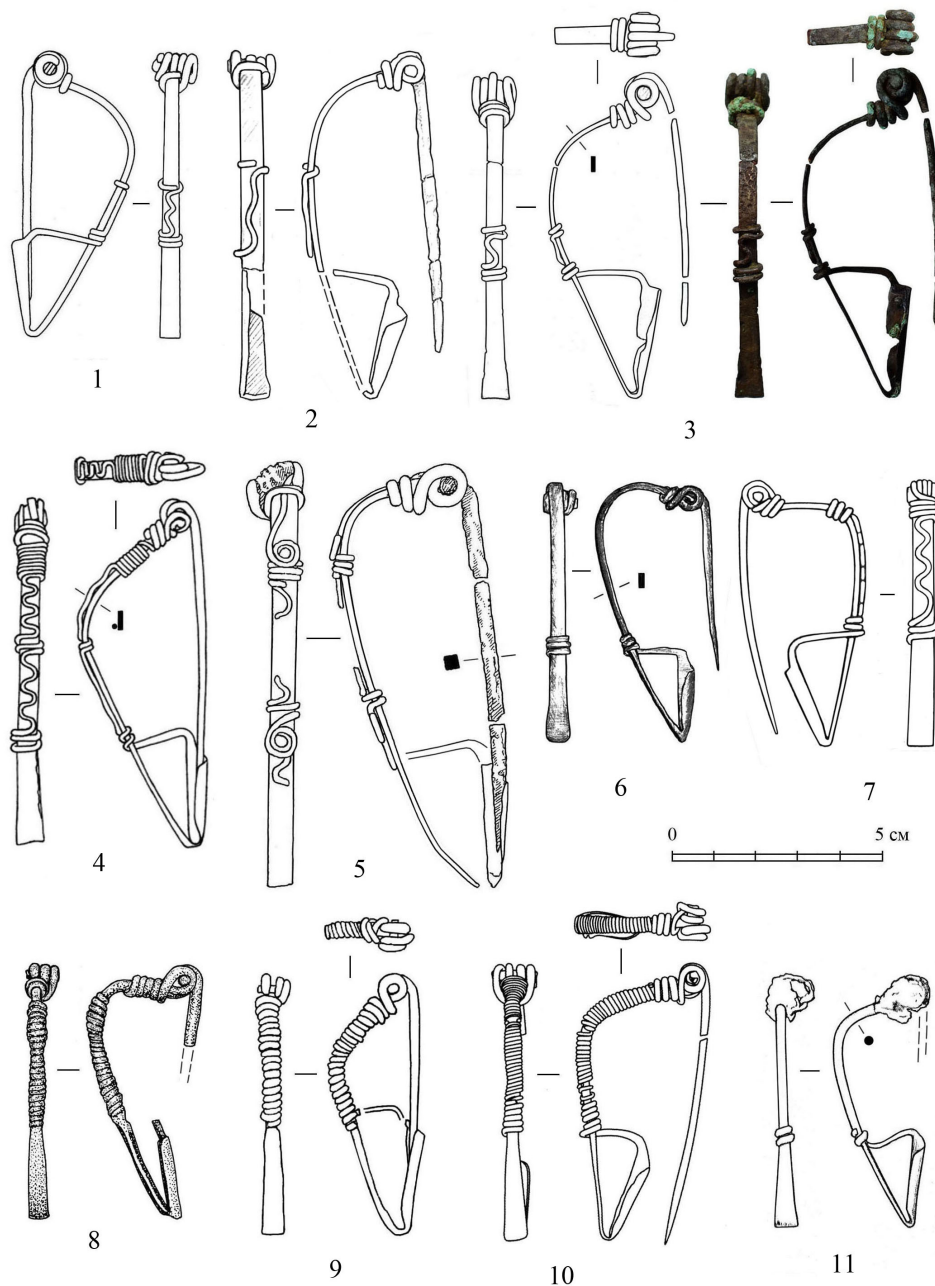

Рис. 3. Двусоставные фибулы:

1 – Дружное, м. 67; 2 – Брянское, м. 5; 3 – Усть-Альма, склеп 1285; 4 – Фронтное 3, м. 10; 5 – Черноречье, м. 36 (86); 6 – Опушки, склеп 38; 7 – Суворово, м. 6; 8 – Бельбек IV, п. 257; 9 – Сувлу-Кая, м. 29; 10 – Фронтное 3, м. 27; 11 – Перевальное, м. 17 (1 – по: [Кропотов, 2010, рис. 43,6]; 2, 3, 5 – рисунки и фото А.А. Труфанова; 4, 10 – по: [Свиридов, Языков, 2023, рис. 53,3, 100,2]; 6 – по: [Храпунов, 2024, рис. 3,3]; 7 – по: [Зайцев, 1997, рис. 58,6]; 8 – по: [Гущина, Журавлев, 2016б, табл. 177,12]; 9 – по: [Волошинов, Масыкин, 2022, рис. 8,7]; 11 – по: [Пуздровский, 2007, рис. 205,1])

Fig. 3. Two-piece brooches:

1 – Druzhnoe, grave 67; 2 – Bryanskoe, grave 5; 3 – Ust'-Al'ma, crypt 1285; 4 – Frontovoe 3, grave 10; 5 – Chernorechye, grave 36 (86); 6 – Opushki, crypt 38; 7 – Suvorovo, grave 6; 8 – Belbek IV, burial 257; 9 – Suvlu-Kaya, grave 29; 10 – Frontovoe 3, grave 27; 11 – Perevalnoe, grave 17 (1 – after: [Kropotov, 2010, fig. 43,6]; 2, 3, 5 – drawings and photo by A.A. Trufanov; 4, 10 – after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 53,3, 100,2]; 6 – after: [Khrapunov, 2024, fig. 3,3]; 7 – after: [Zaitsev, 1997, fig. 58,6]; 8 – after: [Gushchina, Zhuravlev, 2016b, tab. 177,12]; 9 – after: [Voloshinov, Masyakin, 2022, fig. 8,7]; 11 – after: [Puzdrovsky, 2007, fig. 205,1])

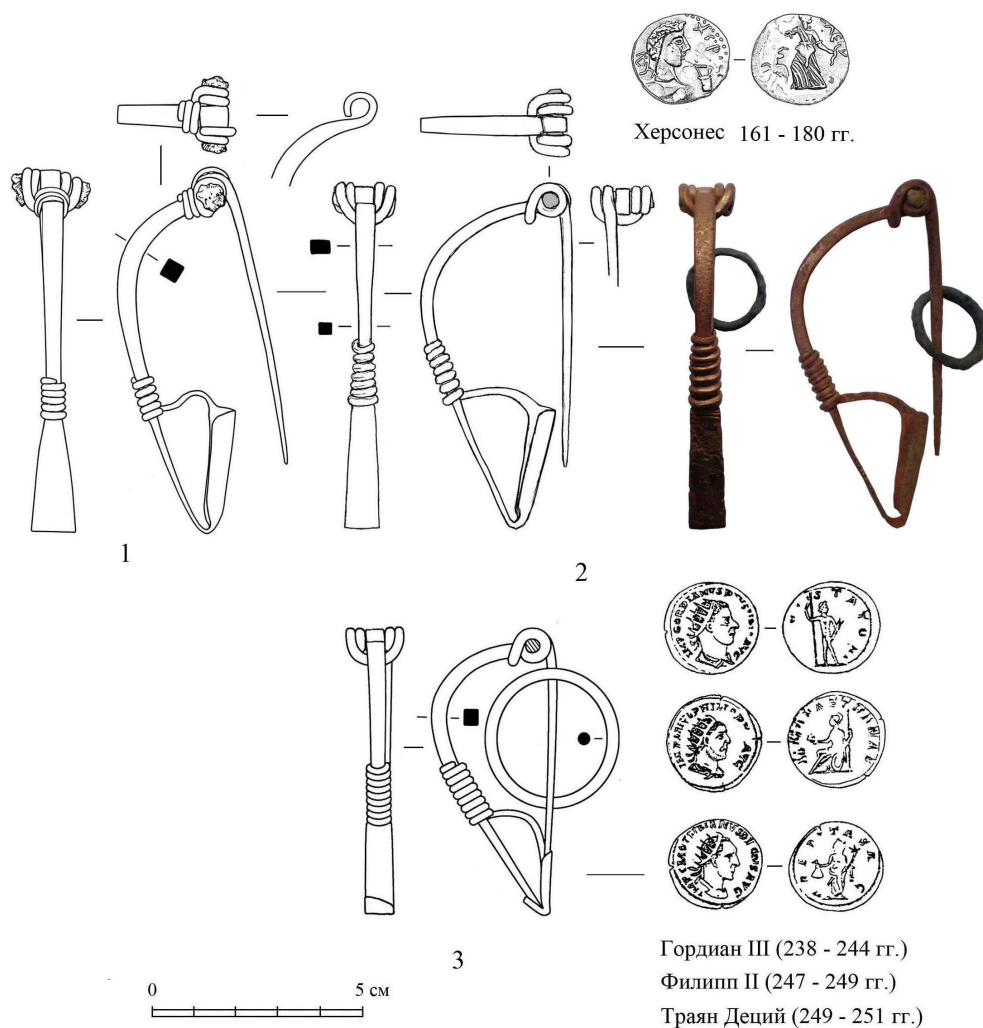

Рис. 4. Фибулы:

1 – двусоставная из могилы 793, Усть-Альма; 2 – двучленная из могилы 995, подбой 2, Усть-Альма;
3 – двучленная из могилы 24, Дружное (1, 2 – рисунки и фото А.А. Труфанова;
3 – по: [Кропотов, 2010, рис. 45,8]). 1, 2 – бронза; 3 – серебро

Fig. 4. Brooches:

1 – two-piece brooch from grave 793, Ust'-Al'ma; 2 – two-part brooch from grave 995, undercut 2, Ust'-Al'ma;
3 – two-part brooch from grave 24, Druzhnoe (1, 2 – drawings and photo by A.A. Trufanov;
3 – after: [Kropotov, 2010, fig. 45,8]). 1, 2 – bronze; 3 – silver

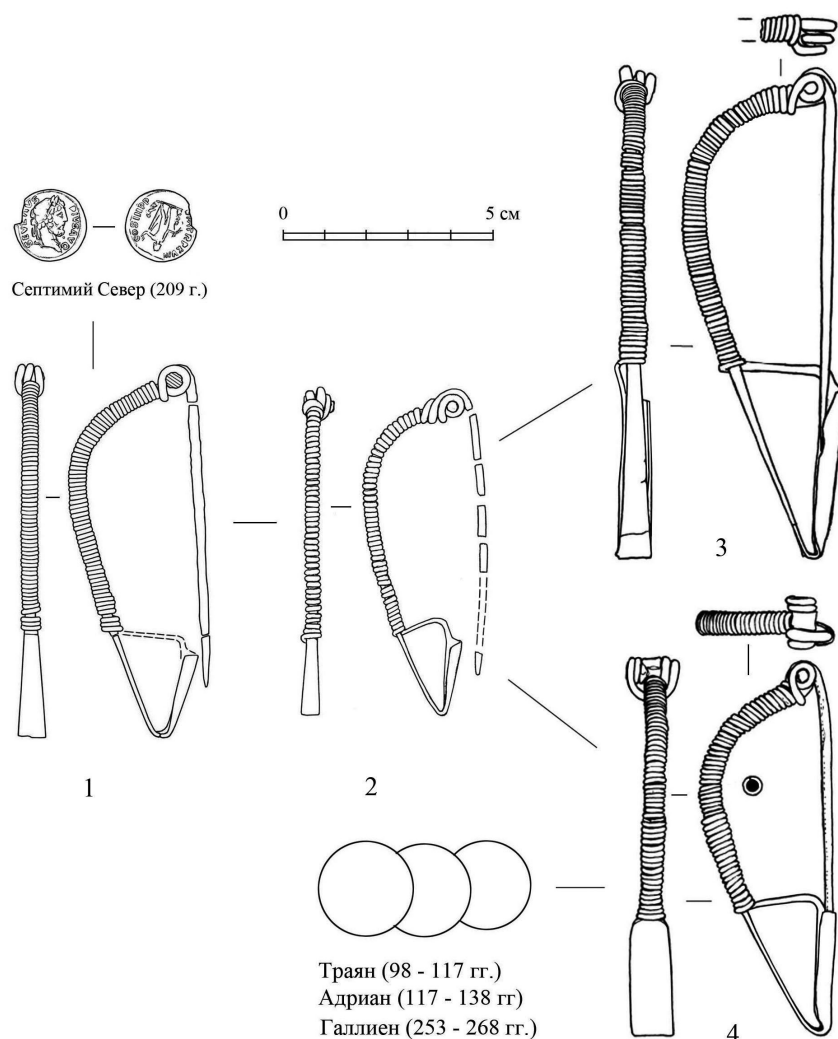

Рис. 5. Фибулы:

1 – одночленная из склепа 649, погр. 2, Усть-Альма; 2 – двусоставная из могилы 1257, Усть-Альма;
3 – двусоставная из могилы 76, Фронтное 3; 4 – двучленная из могилы 27, Фронтное 3
(1, 2 – рисунки А.А. Труфанова; 3, 4 – по: [Гавритухин, 2022, рис. 2,3, 4,9]). 1, 2 – бронза; 3 – латунь; 4 – серебро

Fig. 5. Brooches:

1 – one-piece brooch from crypt 649, burial 2, Ust'-Al'ma; 2 – two-piece brooch from grave 1257, Ust'-Al'ma;
3 – two-piece brooch from grave 76, Frontovoe 3; 4 – two-part brooch from grave 27, Frontovoe 3
(1, 2 – drawings by A.A. Trufanov; 3, 4 – after: [Gavritukhin, 2022, fig. 2,3, 4,9]). 1, 2 – bronze; 3 – brass; 4 – silver

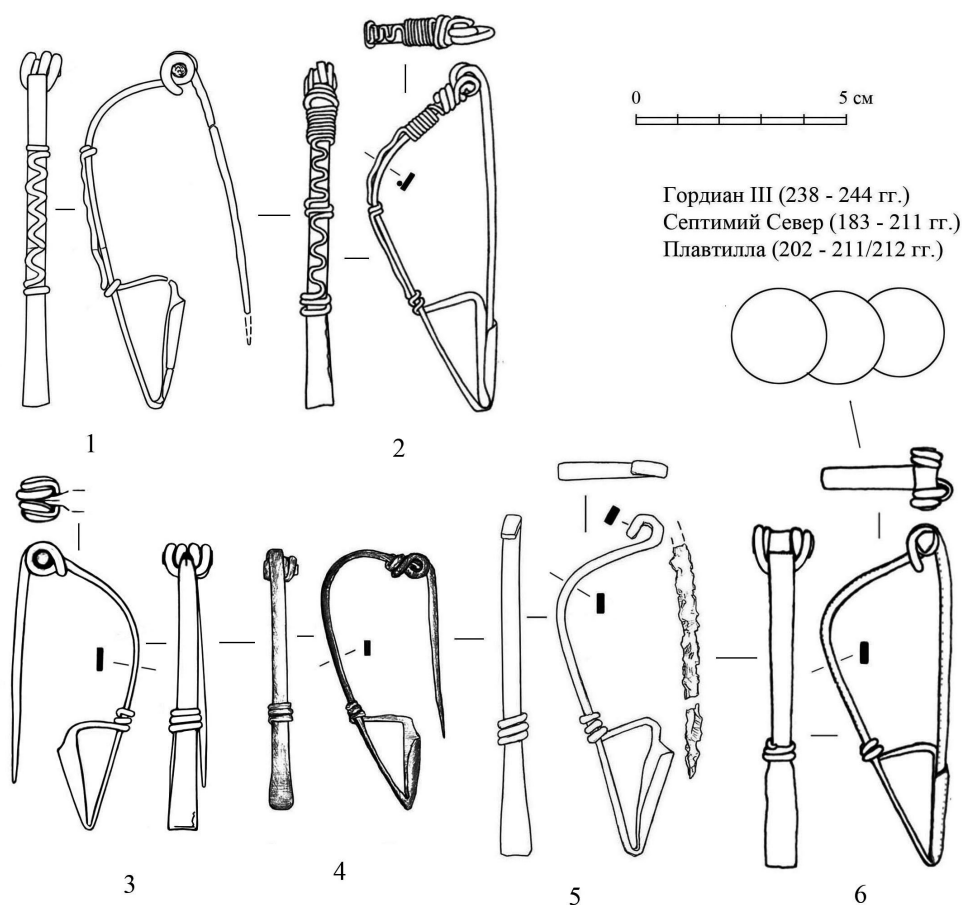

Рис. 6. Фибулы:

1 – одночленная из могилы 824, погр. 2, Усть-Альма; 2 – двусоставная из могилы 10, Фронтное 3;
3 – одночленная из могилы 232, Фронтное 3; 4 – двусоставная из склепа 38, Опушки;
5 – двусоставная или двучленная из могилы 1045, Усть-Альма; 6 – двучленная из могилы 3, Фронтное 3
(1, 5 – рисунки А.А. Труфанова; 2, 6 – по: [Свиридов, Языков, 2023, рис. 28, I, 53, 10]; 3 – по: [Гавритухин, 2022, рис. 2, 11]; 4 – по: [Храпунов, 2024, рис. 3, 3]). 1–4, 6 – бронза; 5 – бронза, железная игла

Fig. 6. Brooches:

1 – one-piece brooch from grave 824, burial 2, Ust'-Al'ma; 2 – two-piece brooch from grave 10, Frontovoe 3;
3 – one-piece brooch from grave 232, Frontovoe 3; 4 – two-piece brooch from crypt 38, Opushki;
5 – two-piece or two-part brooch from grave 1045, Ust'-Al'ma; 6 – two-part brooch from grave 3, Frontovoe 3
(1, 5 – drawings by A.A. Trufanov; 2, 6 – after: [Sviridov, Yazikov, 2023, fig. 28, I, 53, 10]; 3 – after: [Gavritukhin, 2022, fig. 2, 11]; 4 – after: [Khrapunov, 2024, fig. 3, 3]). 1–4, 6 – bronze; 5 – bronze, iron pin

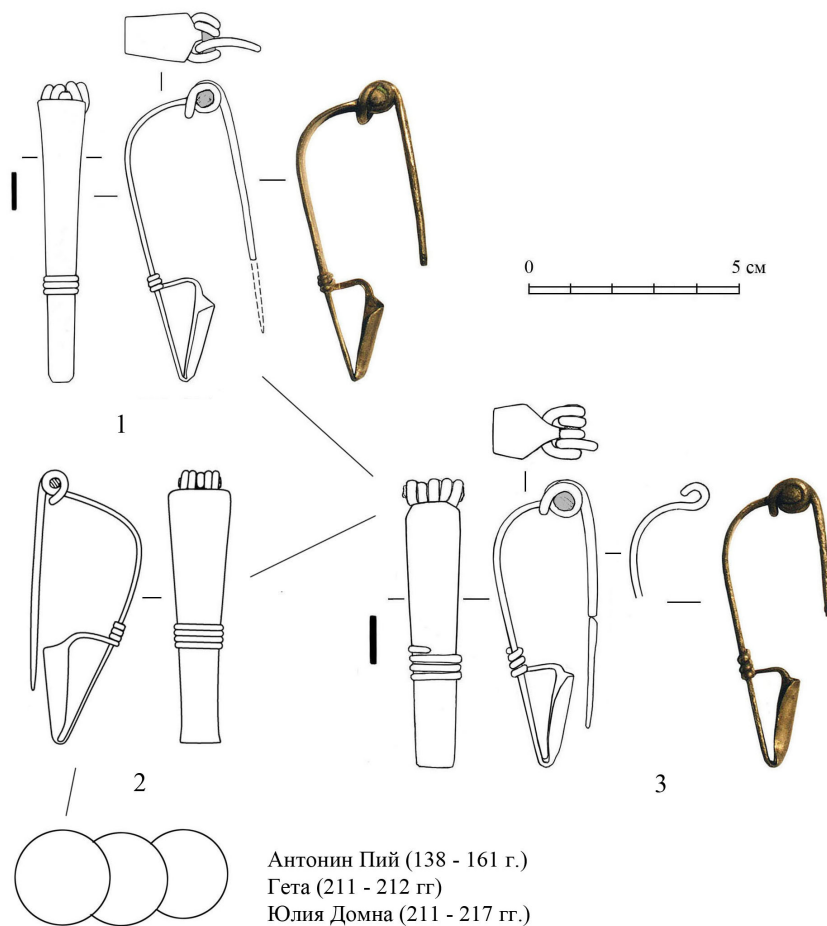

Рис. 7. Фибулы:

1 – одночленная из могилы 929, Усть-Альма; 2 – одночленная из могилы 6, Танковое; 3 – двучленная из могилы 914, Усть-Альма (1, 3 – по: [Пуздровский, Труфанов, 2017а, рис. 141,6, 170,2]; 2 – по: [Кропотов, 2010, рис. 43,7]).

1–3 – серебро, бронзовая ось в пружине

Fig. 7. Brooches:

1 – one-piece brooch from grave 929, Ust'-Al'ma; 2 – one-piece brooch from grave 6, Tankovoe; 3 – two-part brooch from grave 914, Ust'-Al'ma (1, 3 – after: [Puzdrovsky, Trufanov, 2017a, fig. 141,6, 170,2]; 2 – after: [Kropotov, 2010, fig. 43,7]).

1–3 – silver, bronze rod in spring

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В действительности такие фибулы в Усть-Альминском некрополе есть, но тогда они еще не были опубликованы. Последующие исследования привели здесь к находкам еще более поздних двучленных застёжек, появление которых относят ко времени, близкому к середине III в. н.э., так что аргументы, использовавшиеся в подтверждение ранней даты гибели Усть-Альминского городища, лишились оснований.

² Изображений таких фибул нет в монографии Э.А. Сымоновича [1983, табл. XXVII, XXVIII], но впоследствии появилось упоминание застёжки из могилы в «кургане 1949», у которой «пружина и игла сделаны из отдельного куска железной проволоки» [Кропотов, 2010, с. 149, № 145].

³ Разница в цифрах объясняется тем, что у одной фибулы (кат. № 31) (рис. 6,5) пружина утрачена, и ее двусоставная конструкция хоть и считается вероятной, но не установлена безоговорочно.

⁴ Исключением может являться бронзовая фибула с железной игольно-пружинной частью из могильника Чатыр-Даг, которую авторы публикации отнесли к двучленным застёжкам, а наличие железного элемента объяснили тем, что она стала такой «вероятно, после ремонта» [Мыц и др., 2006, с. 132, табл. 19Б,30]. Но ее тетива не сохранилась, и это оставляет простор для реконструкций: она могла быть примотанной к спинке, как это присуще двусоставным изделиям.

⁵ В монографии В.В. Кропотова она значится в числе одночленных изделий (серия II) варианта 4 [Кропотов, 2010, с. 147, № 99], но является двучленной и, будучи таковой, должна быть причислена к изделиям серии III в типологии этого же исследователя.

⁶ Возможно, к двучленным изделиям следует причислять и застёжку из Усть-Альминского некрополя (кат. № 31) (рис. 6,5), если допускать, что, будучи двучленной, она сломалась и ее отремонтировали, заменив поврежденную часть куском железной проволоки.

⁷ На основании письменных источников, сообщающих о «скифских (готских) войнах», два похода, предпринятых из Северо-Восточного Причерноморья, датируют в диапазоне 254–257 гг., третий относят к 267–268 гг. [Буданова, 1990, с. 82–101; Хайрединова, 1994, с. 517–522].

⁸ Здесь и далее в каталоге при обозначении материалов сохранены названия, указанные авторами публикаций. Действительный состав материалов установлен химическим анализом только для фибул из могильников Левадки (1 экз.) и Фронтное 3 (18 экз.). При описании остальных застёжек взятое в кавычки слово «бронза» применяется в качестве условного наименования различных медных сплавов (собственно бронзы и латуни), а также, возможно, и «чистой» меди.

⁹ В отношении фибул № 25 и № 26 из Совхоза 10 я полагаюсь на сведения, приведенные В.В. Кропотовым, который пользовался отчетом С.Ф. Стржелецкого, поскольку на основании изображений этих фибул в публикации [Стржелецкий и др., 2005, рис. 1, 41, 37, 31] особенности их конструкции определить трудно.

¹⁰ Фибулы № 32–34 найдены в ходе полевых работ совместной экспедиции Музея-заповедника «Неаполь Скифский» и Института археологии Крыма РАН (начальник экспедиции – Ю.П. Зайцев, держатель открытых листов – А.А. Труфанов). Выражаю глубокую признательность Ю.П. Зайцеву за содействие в моей работе с материалами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. САИ. Вып. Д1-30. М. : Наука. 150 с.
- Алексеева Е. М., 2002. Центральная часть Горгииппии в первые века нашей эры // Древности Боспора. № 5. С. 27–63.
- Антипенко А. В., Мульд С. А., 2024. Химический состав металлических находок из позднескифского могильника Левадки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 66–83. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.4>
- Богданова Н. А., Гущина И. И., Лобода И. И., 1976. Могильник Скалистое III в юго-западном Крыму (I–III вв.) // Советская археология. № 4. С. 121–158.
- Буданова В. П., 1990. Готы в эпоху Великого переселения народов. М. : Наука. 232 с.
- Вдовиченко И. И., Колтухов С. Г., 1994. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь : Таврия. С. 82–88.
- Волошинов А. А., Масыкин В. В., Неневоля И. И., 2007. Два комплекса с римскими импортами из Краснозориного некрополя // Древняя Таврика. Симферополь : Универсум. С. 303–318.
- Волошинов А. А., Масыкин В. В., 2022. Могильник Сувлу-Кая III–V в. н.э. в Юго-Западном Крыму: особенности погребального обряда и инвентаря // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. М. : ИА РАН. С. 146–173.
- Гавритухин И. О., 2022. Подвязные лучковые фибулы из могильника Фронтное 3 (типология и хронология) // Могильник римского времени Фронтное 3: варвары на границах Империи. М. : ИА РАН. С. 22–42.
- Гущина И. И., 1974. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М. С. 32–64.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016а. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Труды Государственного исторического музея. Вып. 205. Ч. 1. М. : Ист. музей. 272 с.
- Гущина И. И., Журавлев Д. В., 2016б. Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму. Труды Государственного исторического музея. Вып. 205. Ч. 2. М. : Ист. музей. 320 с.
- Зайцев Ю. П., 1997. Охранные исследования в Симферопольском, Белогорском и Бахчисарайском районах // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь : СОНАТ. С. 102–116.
- Кропотов В. В., 2001. Фибулы из могильника Нейзац // Археологические вести. № 8. С. 175–187.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДЕФ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., 2013. К проблеме происхождения лучковых подвязных фибул двучленной конструкции // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху : сб. ст. к 60-летию А.Н. Дзиговского. Киев : Видавель Олег Фідюк, С. 208–222.
- Лобода И. И., 1992. Отчет о раскопках Усть-Альминского могильника I в. до н.э. – III в. н.э. у с. Песчаное Бахчисарайского района в 1992 году // Архив Института археологии Крыма РАН. Ф. О-1. Оп. 1. Д. 566. 41 с.
- Масыкин В. В., Турова Н. П., 2023. Фибулы из Харакса (из раскопок Великого князя Александра Михайловича // *Imperium et Barbaricum: взаимодействие цивилизаций* : сб. ст. в честь 70-летия Михаила Казанского. Симферополь : Антика. С. 94–102.
- Мыц В. Л., Лысенко А. В., Шукин М. Б., Шаров О. В., 2006. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб. : Нестор-История. 207 с.
- Пуздровский А. Е., 1994. О сарматах в Крыму // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 397–405.
- Пуздровский А. Е., 2007. Крымская Скифия II в. до н.э. – III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь : Бизнес-Информ. 480 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2016. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2008–2014 гг. Симферополь : ИП Бровко А.А. 308 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017а. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2004–2007 гг. Симферополь : ИП Бровко А.А. 372 с.
- Пуздровский А. Е., Труфанов А. А., 2017б. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 2000–2003 гг. Симферополь : ИП Зуева Т.В. 300 с.

- Пудровский А. Е., Труфанов А. А., Зайцев Ю. П., Неневоля И. И., 2021. Полевые исследования Усть-Альминского некрополя в 1997–1999 гг. Симферополь : Мандарин. 408 с.
- Свиридов А. Н., Языков С. В., 2023. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 1. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. М. : ИА РАН. 460 с.
- Свиридов А. Н., Языков С. В., 2024а. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 2. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. М. : ИА РАН. 452 с.
- Свиридов А. Н., Языков С. В., 2024б. Могильник римского времени Фронтное 3 в Юго-Западном Крыму. Ч. 3. Материалы спасательных археологических исследований. Т. 33. М. : ИА РАН. 436 с.
- Скрипкин А. С., 1977. Фибулы Нижнего Поволжья // Советская археология. № 2. С. 100–120.
- Стржелецкий С. Ф., Высотская Т. Н., Рыжова Л. А., Жесткова Г. И., 2005. Население округи Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. С. 27–277.
- Сымонович Э. А., 1983. Население столицы позднескифского царства (по материалам Восточного могильника Неаполя скифского). Киев : Наукова думка. 172 с.
- Трейстер М. Ю., 1982. Фибулы из Горгиппии // Горгиппия. Материалы Анапской археологической экспедиции. Вып. II. Краснодар : Краснодар. кн. изд-во. С. 150–166.
- Труфанов А. А., 2004. Подбойные могилы III в. н. э. некрополя у с. Курское (по материалам раскопок 2001 г.) // Сугдейский сборник. Киев ; Судак : Академперіодика. С. 495–521.
- Труфанов А. А., 2005. Исследования могильника у с. Брянское в 1995–1996 гг. // Херсонесский сборник. Вып. XIV. Севастополь. С. 315–326.
- Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // Stratum plus. № 4. С. 117–328.
- Хайрединова Э. А., 1994. Боспор и морские походы варваров второй половины III в. н. э. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. IV. С. 517–528.
- Храпунов И. Н., 2002. Могильник Дружное (III–IV вв. н.э.). Lublin : Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej. 313 с.
- Храпунов И. Н., 2024. Склепы III в. н.э. из могильника Опушки // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 174–209. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.9>
- Храпунов И. Н., 2025а. Могильник Нейзац (II–III вв. н.э.). В 3 т. Т. 1. Севастополь : Альбатрос. 472 с.
- Храпунов И. Н., 2025б. Могильник Нейзац (II–III вв. н.э.). В 3 т. Т. 2. Севастополь : Альбатрос. 568 с.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В., 1998. Могила с двумя подбоями III в. н.э. из некрополя Дружное в Крыму // Российская археология. № 4. С. 133–149.
- Hellström K., 2018. Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.). Archäologie in Eurasien. Bd. 39. Bonn. 284 S., 94 Taf.
- Kühnelt E., 2008. Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontische Sigillata: Dissertaitonarbeit, Freien Universität, Berlin. Berlin. 475 S.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South of European Part of USSR of 2nd Cent. BC – 4th Cent. AD]. Svod Arkheologicheskikh Istochnikov, iss. D1-30. Moscow, Nauka Publ. 150 p.
- Alekseeva E.M., 2002. Tsentral'naya chast' Gorgippii v pervye veka nashey ery [The Central Part of Gorgippia in the First Centuries of AD]. *Drevnosti Bospora* [The Bospor Antiquities], no. 5, pp. 27-63.
- Antipenko A.V., Mul'd S.A., 2024. Himicheskiy sostav metallicheskih nahodok iz pozdneskifskogo mogil'nika Levadki [Chemical Composition of the Metal Ware Found in the Late Scythian Cemetery of Levadki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 66-83. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.4>
- Bogdanova N.A., Gushchina I.I., Loboda I.I., 1976. Mogil'nik Skalistoe III v iugo-zapadnom Krymu (I–III vv.) [Cemetery Skalistoe III in South-Wrstern Crimea (1st–3rd A.D.)]. *Sovetskaia arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 4, pp. 121-158.

- Budanova V.P., 1990. *Goty v epohu Velikogo pereseleniya narodov* [Goths in the Great Migration Period]. Moscow, Nauka Publ. 232 p.
- Vdovichenko I.I., Koltuhov S.G., 1994. Mogil'nik rimskogo vremeni u s. Tankovoe [Cemetery of the Roman Period near the Village Tankovoe]. *Problemy istorii i arheologii Kryma* [Problems of the History and Archaeology of Crimea]. Simferopol, Tavriya Publ., pp. 82-88.
- Voloshinov A.A., Masyakin V.V., Nenevolya I.I., 2007. Dva kompleksa s rimskimi importami iz Krasnozorsinskogo nekropol'ya [Two Complexes with Roman Imports from the Krasnozorsinsky Necropolis]. *Drevnyaya Tavrika* [Ancient Taurica]. Simferopol, Universum Publ., pp. 303-318.
- Voloshinov A.A., Masyakin V.V., 2022. Mogil'nik Suvlu-Kaya III–V v. n.e. v Yugo-Zapadnom Krymu: osobennosti pogrebal'nogo obryada i inventarya [Cemetery of Suvlu-Kaya of the 3rd – 5th centuries A.D. in the South-Western Crimea: The Features of the Funeral Rite and Grave Goods]. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granicah Imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire]. Moscow, IA RAS, pp. 146-173.
- Gavrituhin I.O., 2022. Podvyaznye luchkovye fibuly iz mogil'nika Frontovoe 3 (tipologiya i hronologiya) [The Bow-shaped Brooches with Returned Foot from the Cemetery of Frontovoe 3 (Typology and Chronology)]. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3: varvary na granitsah Imperii* [The Roman Period Cemetery of Frontovoe 3: The Barbarians on the Borders of the Empire]. Moscow, IA RAS, pp. 22-42.
- Gushchina I.I., 1974. Naselenie sarmatskogo vremeni v doline reki Bel'bek v Krymu [Sarmatian Population in the Bel'bek River Valley in Crimea]. *Arkheologicheskie issledovaniia na iuge Vostochnoy Evropy* [Archaeological Research in South of the East Europe]. Moscow, pp. 32-64.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V., 2016a. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Cemetery of the Roman Period Bel'bek IV in the South-Western Crimea]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, iss. 205, pt. 1. Moscow, SHM. 272 p.
- Gushchina I.I., Zhuravlev D.V., 2016b. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* [Cemetery of the Roman Period Bel'bek IV in the South-Western Crimea]. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, iss. 205, pt. 2. Moscow, SHM. 320 p.
- Zaytsev Yu.P., 1997. Ohrannye issledovaniya v Simferopol'skom, Belogorskom i Bakhchisarayskom rayonah [Rescue Archaeology in Simferopol, Belogorsk and Bakhchisarai Districts]. *Arheologicheskie issledovaniya v Krymu. 1994 god* [Archaeological Research in Crimea. 1994]. Simferopol, SONAT Publ., pp. 102-116.
- Kropotov V.V., 2001. Fibuly iz mogil'nika Neizats [Fibulae from the Neizats Cemetery]. *Arheologicheskie vesti* [Archaeological News], no. 8, pp. 175-187.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoy epokhi* [Fibulae in the Age of the Sarmatians]. Kiev, ADEF-Ukraine Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., 2013. K probleme proiskhozhdeniya luchkovykh podvyaznykh fibul dvuchlennoy konstruktssii [On the Problem of the Origin of Double-Peace Bow-Shaped Fibulae]. *Varvarskiy mir severopontiyskikh zemel' v sarmatskuyu epohu: sb. st. k 60-letiyu A.N. Dzigovskogo* [Barbarian World of Northern Pontic Lands in Sarmatian Epoch: Papers Collected in Honour of A.N. Dzigovskiy]. Kiev, Oleg Filyuk Publ., pp. 208-222.
- Loboda I.I., 1992. Otchet o raskopkakh Ust'-Al'minskogo mogil'nika I v. do n.e. – III v. n.e. u s. Peschanoe Bakhchisarayskogo rayona v 1992 godu [Report on the Excavations of the Ust-Alma Cemetery of the 1st Century BC – 3rd Century AD near the Village Peschanoe Bakhchisarai District in 1992]. *Arkhir Instituta arkheologii Kryma RAN*, f. O-1, inv. 1, no. 566. 41 p.
- Masyakin V.V., Turova N.P., 2023. Fibuly iz Haraksa (iz raskopok Velikogo knyazya Aleksandra Mihaylovicha [The Brooches from Charax (Excavated by Grand Prince Alexander Mikhailovich)]. *Imperium et Barbaricum: vzaimodeystvie tsivilizatsiy: sb. st. v chest' 70-letiya Mihaila Kazanskogo* [Imperium et Barbaricum: Interaction of Civilizations: Papers Collected in Honour of Michel Kazanski's 70th Birthday]. Simferopol, Antikva Publ., pp. 94-102.
- Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V., 2006. *Chatyr-Dag – nekropol' rimskoy epokhi v Krymu* [Chatyr-Dag – a Necropolis of the Roman Period in Crimea]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 207 p.
- Puzdrovskiy A.E., 1994. O sarmatah v Krymu [About the Sarmatians in Crimea]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IV, pp. 397-405.
- Puzdrovskiy A.E., 2007. *Krymskaya Skifiya II v. do n.e. – III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki* [Crimean Scythia 2nd Century BC – 3rd Century AD. Burial Monuments]. Simferopol, Biznes-Inform Publ. 480 p.

- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2016. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2008–2014 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2008–2014]. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ. 308 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017a. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2004–2007 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2004–2007]. Simferopol, IP Brovko A.A. Publ. 372 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., 2017b. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 2000–2003 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 2000–2003]. Simferopol, IP Zueva T.V. Publ. 300 p.
- Puzdrovskiy A.E., Trufanov A.A., Zaytsev Yu.P., Nenevolya I.I., 2021. *Polevye issledovaniya Ust'-Al'minskogo nekropolya v 1997–1999 gg.* [Field Researches at Ust'-Al'ma Cemetery in 1997–1999]. Simferopol, Mandarin Publ. 408 p.
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2023. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu. Ch. 1* [Cemetery of the Roman Period Frontovoye 3 in the South-West Crimea. Part 1]. *Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy*, vol. 33. Moscow, IA RAS. 460 p.
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2024a. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu. Ch. 2* [Cemetery of the Roman Period Frontovoye 3 in the South-West Crimea. Part 2]. *Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy*, vol. 33. Moscow, IA RAS. 452 p.
- Sviridov A.N., Yazikov S.V., 2024b. *Mogil'nik rimskogo vremeni Frontovoe 3 v Yugo-Zapadnom Krymu. Ch. 3* [Cemetery of the Roman Period Frontovoye 3 in the South-West Crimea. Part 3]. *Materialy spasatel'nyh arheologicheskikh issledovaniy*, vol. 33. Moscow, IA RAS. 436 p.
- Skripkin A.S., 1977. *Fibuly Nizhnego Povolzh'ya* [Fibulae of the Lower Volga Region]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology], no. 2, pp. 100–120.
- Strzheletskiy S.F., Vysotskaya T.N., Ryzhova L.A., Zhestkova G.I., 2005. *Naselenie okrugov Khersonesa v pervoy polovine I tysiacheletiya novoy ery (po materialam nekropolya «Sovkhoz № 10»* [The Population in the Neighborhood of Chersonesos Tauricus in the First Half of 1st Millennium AD (by Materials of the Necropolis "Sovkhoz No. 10")]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 27–277.
- Symonovich E.A., 1983. *Naselenie stolitsy pozdneskiyskogo tsarstva (po materialam Vostochnogo mogilnika Neapolya skifskogo)* [The Population of the Capital of the Late Scythian Kingdom (According to the Materials from the Eastern Cemetery of Scythian Neapolis)]. Kiev, Naukova dumka Publ. 172 p.
- Treister M.Yu., 1982. *Fibuly iz Gorgippii* [Broches from Gorgippia]. *Gorgippiya. Materialy Anapskoy arheologicheskoy ekspeditsii* [Gorgippia. Materials of the Anapa Archaeological Expedition], iss. II. Krasnodar, Krasnod. kn. izd-vo, pp. 150–166.
- Trufanov A.A., 2004. *Podboynye mogily III v. n.e. nekropolya u s. Kurskoe (po materialam raskopok 2001 g.)* [Undercut Graves of the 3rd Century A.D. Necropolis near the Village Kurskoye (Based on Excavations 2001)]. *Sugdeyskiy sbornik* [The Sugdeya Collection]. Kiev; Sudak, Akademperiodika Publ., pp. 495–521.
- Trufanov A.A., 2005. *Issledovaniya mogil'nika u s. Bryanskoye v 1995–1996 gg.* [Research of the Cemetery near the Village Bryanskoye 1995–1996]. *Khersonesskiy sbornik* [The Chersonese Collection], iss. XIV. Sevastopol, pp. 315–326.
- Trufanov A.A., 2009. *Chronologia mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e.* [The Chronology of Burials in the Foothill Crimea at the 1 Century BC – 3 Century AD]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 117–328.
- Hairedinova E.A., 1994. *Bospor i morskoye pohody varvarov vtoroy poloviny III v. n.e.* [Bosporos and Marine Raids of Barbarian in the Second Half of the 3rd Century AD]. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii* [Materials in Archaeology, History and Ethnography of Tauria], iss. IV, pp. 517–528.
- Khrapunov I.N., 2002. *Mogil'nik Druzhnoe (III–IV vv. n.e.)* [The Cemetery of Druzhnoe (Third and Fourth Centuries AD)]. Lublin, Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Sklodowskiej. 313 p.
- Khrapunov I.N., 2024. *Sklepy III v. n.e. iz mogil'nika Opushki* [Third Century AD Burial Vaults from the Cemetery of Opushki]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskii Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 174–204. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.9>
- Khrapunov I.N., 2025a. *Mogil'nik Neizats (II–III vv. n.e.). V 3 t. T. 1* [Cemetery Neizats (2nd–3rd Centuries AD). In 3 Vols. Vol. 1]. Sevastopol, Albatros Publ. 472 p.
- Khrapunov I.N., 2025b. *Mogil'nik Neizats (II–III vv. n.e.). V 3 t. T. 2* [Cemetery Neizats (2nd–3rd Centuries AD). In 3 Vols. Vol. 2]. Sevastopol, Albatros Publ. 568 p.
- Hrapunov I.N., Masyakin V.V., 1998. *Mogila s dvumya podboiyami III v. n.e. iz nekropolya Druzhnoe v Krymu* [Grave with Two Undercuts of the 3rd Century AD. from the Druzhnoye necropolis in Crimea]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], no. 4, pp. 133–149.

Hellström K., 2018. *Fibeln und Fibeltracht der Sarmatischen Zeit im Nordschwarzmeergebiet (2. Jh. v. Chr. – 3. Jh. n. Chr.)*. Archäologie in Eurasien. Bd. 39. Bonn. 284 S., 94 Taf.

Kühnelt E., 2008. *Terra Sigillata aus Alma Kermen, Südwest-Krim. Typologie, Datierung, Rohstoffgruppen der Pontische Sigillata: Dissertationarbeit, Freien Universität, Berlin*. Berlin. 475 S.

Information About the Author

Alexander A. Trufanov, Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute of Crimean Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Prosp. Akademika Vernadskogo, 2, 295007 Simferopol, Russian Federation, trufanov.a67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6036-4004>

Информация об авторе

Александр Анатольевич Труфанов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт археологии Крыма РАН, просп. Академика Вернадского, 2, 295007 г. Симферополь, Российская Федерация, trufanov.a67@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6036-4004>